

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	7
I. Введение в проблематику: национальные фобии и национальная мегаломания в политическом языке XIX в.	13
1. 'Фобии' в медицинском и политическом языке	13
2. Репертуар обозначений национально-государственных фобий	18
3. 'Юдофобия' и 'антисемитизм'	25
4. Обозначения национальной мегаломании	28
II. Понятие 'руссофобия' в политическом языке	37
1. Дебаты о 'руссофобии' в англоязычной печати XIX в.	37
1.1. Тема «русской угрозы» в первые десятилетия XIX в.	38
1.2. Рождение термина 'руссофобия'	44
1.3. Ранние дебаты о 'руссофобии' (1836–1841)	49
1.4. Споры о 'руссофобии' в публицистике 1842–1900 гг.	56
1.5. Суждения о 'русомании' конца XIX в.	69
2. 'Руссофобия' и родственные понятия в Германии XIX в.	74
2.1. Немецкие аналоги понятия 'руссофобия'	75
2.2. Понятие 'руссофобия' до Крымской войны	77
2.3. 'Руссофобия' и ее критики после Крымской войны	85
3. Понятие 'руссофобия' в России от Нессельроде до Шафаревича	92
3.1. Понятие 'руссофобия' в дореволюционный период	92
3.2. Вигель, Тютчев и Достоевский о внутренней 'руссофобии'	102
3.3. Послереволюционный период	108

III. Национальная мегаломания	
в политическом языке XIX в.	120
1. Никола Шовен, легендарный патрон шовинизма	120
1.1. Шовен в эпоху Реставрации	121
1.2. Шовен в годы Июльской монархии	
и Второй республики	126
1.3. Шовен в эпоху Второй империи	133
1.4. Шовен в эпоху Третьей республики	136
2. ‘Шовинизм’: происхождение и эволюция	
понятия в XIX в.	141
2.1. Рождение термина	142
2.2. Стендаль и Мишле	144
2.3. ‘Шовинизм’ и патриотизм	146
2.4. Словарные определения	152
2.5. Понятие ‘шовинизм’ за пределами Франции	153
3. Понятие ‘джингоизм’ в англоязычной печати XIX в.	160
3.1. Рождение термина	160
3.2. Poleмика о ‘джингоизме’ в 1878–1880 гг.	164
3.3. ‘Джингоизм’ в английской печати после	
Восточного кризиса.....	169
3.4. ‘Джингоизм’ в американской печати	176
3.5. ‘Джингоизм’ и ‘шовинизм’	178
ПРИЛОЖЕНИЕ. ‘Турбопатриоты’ и поп-культура	
(Сербия, Польша, Россия).....	182
Заключение.....	195
Журнальные публикации глав монографии.....	198

Определяйте значение слов –
и вы избавите свет от половины его заблуждений.

Александр Пушкин

ВСТУПЛЕНИЕ

В обширной литературе о национальных фобиях и национальной мегаломании недостаточное внимание, как мы полагаем, уделяется языковому, понятийному аспекту исследуемых феноменов. Это относится даже к наиболее содержательным исследованиям подобного рода. Так, в монографии Дж.Г. Глисона «Генезис русофобии в Великобритании» [Gleason, 1950] терминологический аспект проблемы оставлен без рассмотрения. Крайне мало внимания уделяется ему в исследовании Жерара де Пуоимежа о французском шовинизме [Puymège, 1993]. То же можно сказать об обстоятельных работах О.В. Заиченко, посвященных образу России в общественном мнении Германии [Заиченко, 2001; Заиченко, 2004]. Ценный материал о немецких словах, обозначающих национальные фобии и мании, содержится в монографии Габриэлы Хоппе [Норре, 2018], однако ее исследование посвящено исключительно вопросам словообразования. Счет книгам и научным статьям, в названии которых присутствует слово ‘руссофобия’¹, уже идет на десятки, а скоро, по-видимому, пойдет на сотни. Но история самого этого понятия сколько-нибудь основательно не изучалась.

Невнимание к терминологическому аспекту чревато перенесением современных понятий в прошлое и смешением разнородных явлений.

Основному методологическому постулату, которым руководствовался автор настоящего исследования, он обязан варшавской школе истории идей, прежде всего работам Ежи Шацкого² и Анджее Валицкого, а также близкой к ним по методологии Марии

¹ Например: [Зеленов, Большаков, Владимиров, 2019; Карабущенко, 2021; Мальцев, 2016; Меттан, 2023; Ганьшина, 2023].

² В 1974–1975 гг. автор настоящей монографии имел возможность посетить семинар Ежи Шацкого в Варшавском университете.

Жмигродской [Szacki, 1962; Szacki, 1971; Walicki, 1964; Żmigrodzka, 1965 и др.]. Этот постулат – стремление к дистанцированию исследователя от объекта исследования и, что отсюда вытекает, стремление «развести» язык исследования и язык исследуемой эпохи.

Важность последнего постулата подчеркивают немецкие исследователи истории понятий (*нем.* Begriffsgeschichte): «Именно необходимость проводить различия между языком источника и языком науки приводит историка <...> к истории понятий» [Бедеркер, 2010 б, с. 35–36]. Данная монография относится как раз к области истории понятий как части исторической семантики. Ее цель – исследование происхождения и изменения значений терминов, в нашем случае – особой группы терминов политического языка.

Райнхард Козеллек, основатель направления Begriffsgeschichte, следующим образом формулирует различие между «историей понятий» и «историей идей»: «История понятий <...> направлена против абстрактной истории идей, <...> направлена скорее на конкретное употребление языка в социальной, политической или правовой жизни» [Бедеркер, 2010 б, с. 63].

В одной из работ Козеллека столетие 1750–1850 гг. названо «переломным временем» – временем, когда формируются основные политические понятия Нового времени [Бедеркер, 2010 б, с. 38]. В нашем случае «переломным временем» можно назвать 1830–1840-е годы, когда в различных европейских языках появляется целый спектр обозначений национально-государственных фобий, а также термин ‘шовинизм’ – наиболее распространенное обозначение агрессивного национализма и национальной мегаломании. Основные обозначения национальных фобий и маний носили интернациональный характер, но круг значений, который связывался с ними в различных языках и различных национальных культурах, совпадал далеко не всегда. Выявление и анализ этих различий – одна из основных задач монографии.

Культурологический аспект исследуемой тематики включает в себя рассмотрение метафор и образов, связанных с тем или иным понятием. Таков, например, образ свирепого языческого божества Джинго в антиджингоистской публицистике.

В монографии синхронистический подход сочетается с диахроническим. Первый преобладает в вступительном, обзорном разделе; второй – в разделах, посвященных отдельным понятиям.

Немецкие исследователи истории понятий подчеркивают недостаточность подходов традиционной истории идей, сфокусированной главным образом на текстах выдающихся мыслителей. Круг источников предлагается расширить путем обращения к текстам «второго плана» [Бедекер, 2010 а, с. 6].

Данная работа строится на базе максимально широкого круга источников. Это прежде всего периодическая печать и книжная публицистика XIX в. на основных европейских языках. Она представлена в ряде электронных баз с возможностью полнотекстового поиска:

- 1) база англоязычной печати – newspapers.com;
- 2) базы франкоязычной печати – gallica.bnf.fr; retronews.fr;
- 3) базы немецкоязычной печати – digitale-sammlungen.de; nutzungshinweis.slub-dresden.de; brema.suub.uni-bremen.de/periodical; e-newspaperarchives.ch.

Кроме того, в разделе о понятии ‘русофобия’ в России и СССР использовалась база центральной советской печати – East View.

Обращение к обширным базам источников в ряде случаев позволяет использовать методiku контент-анализа с количественными подсчетами. Однако преимущественное значение мы придаем уяснению историко-культурного контекста, в котором встречаются те или иные обозначения. Прежде всего нас интересовали полемические тексты и высказывания, содержащие рефлексию по поводу рассматриваемых понятий.

Одним из важнейших источников при исследовании политического языка служат словари и энциклопедии. Тут необходимо заметить, что нередко материал словарей используется некритически. Между тем словарные толкования XIX в.¹ нередко расходятся со значением слова в политическом языке эпохи. Причиной тому были:

- недостаточная компетентность лексикографа (почти все словари XIX в. создавались в одиночку);
- недостаточный круг источников, которыми располагал лексикограф;
- идеологическая ангажированность лексикографа.

¹ И даже позднейшие, в частности, в советских и постсоветских словарях русского языка.

Всё это, и особенно последнее обстоятельство, нередко приводило к большому разбросу толкований в пределах одного и того же исторического периода.

В круг источников входят также тексты популярной культуры, включая песенные. Именно из таких текстов возник образ солдата Шовена, а затем и понятие 'шовинизм'. Сходное происхождение имели понятия 'джингоизм' и современное 'турбопатриоты'.

При рассмотрении некоторых сюжетов первостепенное значение имеют эпистолярные источники. Так, понятие, названное впоследствии «внутренней русофобией», или «русофобией русских», появилось в письмах Ф.Ф. Вигеля, Ф.И. Тютчева и Ф.М. Достоевского.

Известное значение в качестве источника имеет также беллетристика, в которой исследуемые обозначения выступают в конкретных жизненных ситуациях.

Почти все соответствующие понятия появляются и становятся предметом оживленных идеологических споров в XIX в., поэтому основная часть монографии посвящена именно этому историческому периоду.

В I разделе дается общая характеристика обозначений национально-государственных фобий и маний в языке XIX в. Здесь, в частности, рассматривается соотношение понятий 'фобия' и 'мания' в тогдашнем медицинском и политическом языке, а также особое место понятий 'юдофобия' и 'антисемитизм' в ряду других обозначений национальных фобий.

Центральное место в монографии занимает история понятия 'русофобия'; ей посвящена примерно половина общего объема исследования. Эта тема представляет интерес еще и потому, что 'русофобия' была первым обозначением подобного рода, получившем широкое распространение. Его неотрефлексированное использование в качестве термина грозит серьезным искажением картины реальности. Мы рассматриваем не *явление*, которое (по возможности избегая эмоционально окрашенных терминов) можно определить как антироссийские/антирусские фобии, а историческое содержание *понятия*. Поэтому слово 'русофобия' (как и другие обозначения подобного рода) используется, как правило, в завыченном виде. Три главы соответствующего раздела посвящены трем странам, в которых понятие 'русофобия' использовалось наиболее широко,

а именно Англии, Германии и России. По Англии и Германии имеются обширные электронные базы данных печати XIX в., что позволяет рассматривать охваченный материал как репрезентативный. Для дореволюционной России таких баз нет, но она существует для советской печати, отчасти поэтому хронологические рамки соответствующей главы охватывают и XX в.

В III разделе анализируются наиболее важные обозначения национально-государственной мегаломании XIX в. – ‘шовинизм’ и ‘джингоизм’. В Приложении рассматривается примыкающее к ним современное понятие ‘турбопатриотизм’, выходящее за хронологические рамки основной части монографии.

Автор выражает благодарность рецензентам данной работы – А.И. Миллеру и А.А. Тесле, замечания которых были учтены в окончательном тексте монографии.

Список литературы

- Бедекер Х.Э.* Отражение исторической семантики в исторической культурологии // История понятий, история дискурса, история метафор: сб. статей / под ред. Х.Э. Бёдекера. – Москва: Новое литературное обозрение, 2010. – С. 5–17.
- Бедекер Х.Э.* Размышления о методе истории понятий // История понятий, история дискурса, история метафор: сб. статей / под ред. Х.Э. Бёдекера. – Москва: Новое литературное обозрение, 2010. – С. 34–65.
- Заиченко О.В.* Немецкая публицистика и формирование образа России в общественном мнении Германии в первой половине XIX века: дис. на соиск. степени канд. ист. наук. – Москва: Ин-т всеобщей истории РАН, 2004. – 317 с.
- Заиченко О.В.* Образ России в Германии в первой половине XIX века (на материале либеральной публицистики) // Россия и Германия. – Москва: Наука-М, 2001. – Вып. 2. – С. 92–109.
- Зеленов Л.А., Большаков М.Г., Владимиров А.А.* Русофобия: монография. – Нижний Новгород: ФГБОУ ВО «ВГУВТ», 2019. – 126 с.
- Карабущенко П.Л.* Русофобия: история одной химеры: монография. – Москва: ИНФРА-М, 2021. – 326 с.
- Мальцев Н.Н.* Зарубки памяти на скрижалях истории: алгоритмы и ресурсы русофобии Запада. – Москва: Алгоритм, 2016. – 430 с.
- Меттан Г.* Запад – Россия. Тысячелетняя война: история русофобии от Карла Великого до украинского кризиса / пер. М. Аннинской и др. – Москва: АСТ, 2023. – 441 с.
- Таньшина Н.П.* Русофобия: история изобретения страха. – Москва: Концептуал, 2023. – 487 с.
- Gleason J.H.* The Genesis of Russophobia in Great-Britain: Study of the Interaction of Policy and Opinion. – Cambridge (Mass.): Harvard University Press; London: Oxford University Press, 1950. – IX, 314 p.

- Hoppe G.* Bezeichnungs- und Benennungstraditionen der griechischen Antike und ihre Bedeutung für die Entwicklung von Einheiten der Wortbildung lateinischer Sprachstufen und kontrastierender moderner europäischer Sprachen. – Mannheim: Eigenverlag des Instituts für Deutsche Sprache, 2018. – 550 S.
- Puymège G. de.* Chauvin, le soldat-laboureur: Contribution à l'étude des nationalismes. – Paris: Gallimard, 1993. – 294 p.
- Szacki J.* Ojczyzna, naród, rewolucja: problematyka narodowa w polskiej myśli szlacheckorewolucyjnej. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1962. – 257 s.
- Szacki J.* Tradycja: Przegląd problematyki. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1971. – 290 s.
- Walicki A.* W kręgu konserwatywnej utopii: Struktura i przemiany rosyjskiego słowianofilstwa. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1964. – 494 p.
- Żmigrodzka M.* Orzeszkowa: Młodość pozytywizmu. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1965. – 499 s.

I. ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМАТИКУ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ФОБИИ И НАЦИОНАЛЬНАЯ МЕГАЛОМАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ XIX в.

Некоторые из упоминаемых во «Введении» понятий ('русофобия', 'шовинизм', 'джингоизм') подробно рассмотрены в дальнейших разделах. Некоторые другие, и прежде всего понятие 'национализм', заслуживают самостоятельного монографического исследования.

1. 'Фобии' в медицинском и политическом языке

В XIX в. универсализм идеологии Просвещения был заметно потеснен национальными идеологиями. Появление специальных слов для обозначения национально-государственных фобий и маний было знаком того, что эти явления уже не воспринимаются как самоочевидные, а становятся предметом рефлексии.

Составные слова, построенные по модели 'наименование народа/страны' + 'фобия', такие как англо- и франкофобия, изредка встречались уже в XVIII в., но широкое распространение получили только с 1830–1840-х годов. Значение этих слов бывало весьма различным, а связанный с ними ассоциативный ряд заметно отличался от современного.

Слово 'фобия' образовано от *др.-греч.* φόβος – 'страх'. Несколько случаев иррационального страха описаны в книгах 5 и 7 трактата «Эпидемии», включавшихся в Гиппократов корпус. Эти книги, как не принадлежащие самому Гиппократу, не привлекали к себе особого внимания вплоть до 1846 г., когда они были опубликованы с комментариями Эмиля Литтре [King, 2013, p. 1–4].

В качестве особой группы психических расстройств фобии стали предметом рассмотрения психиатрии лишь в последние десятилетия XIX в., но и тогда соответствующие термины не вышли за пределы специального (медицинского) языка.

Правда, уже в 1786 г. американец Бенджамин Раш¹, опубликовал наполовину серьезное, наполовину шутливое эссе «О разновидности фобий». ‘Фобия’ определялась здесь как «страх перед воображаемым злом или чрезмерный страх перед реальным злом» [Rush, 1786, p. 110]. Отталкиваясь от уже существовавшего термина ‘гидрофобия’ (водобоязнь; так с XVI в. называли бешенство по одному из его симптомов), Раш предложил названия для 15 разновидностей душевных недугов, в т.ч. ‘cat phobia’, ‘rat phobia’, ‘insect phobia’ (страх перед кошками, крысами, насекомыми, в частности пауками).

Большая часть этих недугов позднее была включена в репертуар психических отклонений, наименованных с использованием греческих и латинских корней (например, арахнофобия – страх перед пауками). Однако в XIX в. классификация Раша не привлекла внимания медицинской науки. Вплоть до 1870-х годов слово ‘фобия’ крайне редко использовалось в качестве самостоятельного. В английской печати оно встречалось в составе окказионализмов, включая такие курьезные, как ‘бонапартофобия’ (Buonaparte-phobia, 1815) или ‘гаррикофобия’ (Garrick-phobia, 1836) – от имени Дэвида Гаррика, знаменитого исполнителя шекспировских ролей.

В словаре медицинских терминов Р.Д. Хоблина (1835; 3-е изд.: 1856) словарное гнездо ‘-фобия’ представлено термином ‘гидрофобия’ (бешенство) и его синонимами: ‘аэрофобия’ (воздухобоязнь), ‘гигрофобия’ (влагобоязнь), ‘пантофобия’ (боязнь всего), а также термином ‘фотофобия’ – «непереносимость света; глазная болезнь» [Ноблун, 1835, р. XVI]. Такой широко известный ныне термин, как клаустрофобия, появился лишь ок. 1878 г.; агрофобия – в 1871 г.

Национальные фобии – частный случай более общего понятия ‘ксенофобия’; при этом следует иметь в виду, что само это понятие утвердилось существенно позже обозначений национальных фобий. Слово xenophobia включено в немецкоязычный словарь иностранных слов 1841 г. со значениями: «Страх перед чужеземцами; неприязнь к чужеземцам» [Schweizer, 1841, S. 571]. Однако

¹ Б. Раш (1745–1813), просветитель, политик, физиолог и психиатр.

единственный известный нам случай употребления этого слова в немецкоязычной печати вплоть до конца 1870-х годов датируется 1846 г.: власти Цюриха «при назначении на академические должности не ограничивались соотечественниками, но <...> умели удерживаться от ксенофобии» [Meuer von Knonau, 1846, S. 29].

В печати других европейских стран слово ‘ксенофобия’ также практически не встречалось до конца 1870-х годов, а широкое распространение (в т.ч. в России) получило лишь в XX в.

Единичными были случаи использования синонима ‘ксенофобии’ – ‘мизоксения’ (от др.-греч. μῖσος – ‘ненависть’, и ξένος ‘чужой’, ‘чуждый’), впервые отмеченного в начале XVII в.: «...Дух и общий характер нации нелегко изменить, и наша мизоксения (или ненависть к чужеземцам)¹ не была чем-то новым, поскольку Гораций отмечал ее в эпоху до или около рождества Христова <...>» (Джон Спид, «Арена империи Великобритании», 1611) [цит. по: The History ...].

«Мизогалл» («Il Misogallo»), т.е. «Ненавистник французов», – заглавие сатирического сборника в стихах и прозе итальянского поэта и драматурга Витторио Альфьери (1799). Это слово осталось «авторским» и в язык не вошло.

В Оксфордском словаре английского языка первый пример слова, обозначающего национальную фобию (англофобия), датируется 1793 г. Между тем слово ‘франкофобия’ встречалось уже в 1759 г. в статье, переведенной с английского. (Эта статья не упоминается в известной нам литературе предмета.)

В 1757–1760 гг. Эдм Жак Жене, сотрудник французского министерства иностранных дел, опубликовал 10 томов выдержек из английской печати под загл. «Текущее политическое состояние Англии». В т. 9 помещен перевод неозаглавленной анонимной статьи, в качестве источника которой указана «Вестминстерская газета» («Westminster Journal») от 21 апреля 1759 г. Здесь говорилось:

«Распутство и вредные привычки порождают болезни, не поддающиеся окончательному излечению. <...> То же относится к любому политическому телу. Опасения народа Великобритании перед вторжением французов на их остров, эта, сказал бы я, фран-

¹ «Misoxenie (or hatred to Strangers)».

кофобия (francophobia) использовалась, чтобы помешать усилиям мудрых граждан, желавших избежать множества необоснованных расходов и опасных союзов; и полученная нацией доза была столь сильна и повторялась столь часто, что повлекла за собой новую болезнь, подобно опиуму, применяемому без должной осторожности. Порою она повергает добрый народ Англии в состояние прострации, близкое к летаргии, а иной раз в бредовое состояние; сегодня это жестокая лихорадка, завтра – невыносимое жжение внутренностей, всегда соразмерное дозе *франкофобии*, которую эти политические Эскулапы заставят его проглотить» [Extrait..., 1759, p. 4–5].

Нам не удалось обнаружить этой статьи в газете «Universal Chronicle and Westminster Journal» (1759–1760), а также в предшественнице «Вестминстерской газеты», издававшейся в 1759 г. под названием «The Universal Chronicle, or, Weekly Gazette»¹.

В английском оригинале могло использоваться слово Francophobia либо Gallophobia. В XIX в. в английской, французской и немецкой печати ‘галлофобия’ и ‘галлофоб’ встречаются на порядок чаще, чем ‘франкофобия’ и ‘франкофоб’. В доступных нам электронных базах слово Gallophobia обнаруживается уже в 1799 г. (Francophobia – лишь в 1826 г.). Инвективы Эдмунда Бёрка против Французской революции были названы «галлофобией, которую он в своих страстных тирадах раздувал до крайних пределов» [Drennan, 1799, p. 595].

В 1789 г. появилось первое известное нам упоминание о галлофобии во французской печати. Речь шла о «постоянно одержимом галлофобией» Питере Бурмане, голландском филологе, сочинившем стихотворение в честь Паскуале Паоли, борца за независимость Корсики [Arnobat, 1789, p. 261].

13 мая 1793 г. Томас Джефферсон, в то время государственный секретарь при президенте Вашингтоне, писал Джеймсу Мэдисону: «Мы здесь охвачены все тем же духом. Англофобия жестоко поразила троих членов нашего кабинета» [Jefferson, 1793]. В то время часть политического руководства США выступала за войну с Англией в союзе с революционной Францией, но Вашингтон и Джефферсон предпочитали политику нейтралитета. Далее Джефферсон, указывая на враждебное отношение к Франции части

¹ Обе газеты представлены в электронной базе Newspaper Archives. Доступ к интересующим нас номерам любезно предоставила нам сотрудница газетного отдела (News Reference Team) Британской библиотеки Лайза Кенни (Lisa Kenny).

американского общества, использует слово ‘антигалломания’ (Antigallomania), более нигде не встречающееся.

В цитированной выше статье 1759 г. франкофобия понимается как страх перед французским вторжением, т.е. перед внешней угрозой. Это значение оставалось основным в подобного рода словах вплоть до конца XIX в. В «Новый словарь французского языка» (1827), а также в «Универсальный словарь...» Пьера Буаста (1828) включены слова ‘англофоб’ («тот, кто страшится англичан») и ‘англофобия’ («страх перед англичанами») [Nouveau dictionnaire..., 1827, p. 47; Voiste, 1828, p. 107]. Под ‘англичанами’ здесь, судя по известным нам примерам из французской печати, имелась в виду прежде всего Англия как государство. Н. Ланде в своем словаре (1836) счел нужным дать пояснение: «Включение этих двух достойных сожаления слов, *англофоб* и *англофобия*, мы рассматривали лишь как возможность выразить глубокое удивление, охватившее нас, когда мы увидели их в “Словаре” Буаста» [Landais, 1836, p. 102].

Во француско-русском словаре 1839 г. ‘anglophobe’ толкуется как «ненавидящий англичан»; ‘anglophobie’ – «ненависть к англичанам» [Татищев, 1839, с. 64]; но это значение в реальности не было основным.

В 1840-е годы появляется также прилагательное ‘англофобный’ (Anglophobic, Anglophobian). Обычно оно, как и ‘англофобия’, фигурировало во внешнеполитическом контексте, но могло также означать неприятие всего английского: «...Она <...> была совершенно готова, вместе с самым что ни на есть англофобным французом, счесть все английское олицетворением всего нефранцузского» (Дж. Миллинген, роман «Джек Хорнет», 1845) [Millingen, 1845, p. 306].

В статье 1759 г. франкофобия изображается как болезнь не столько психическая, сколько соматическая. То же относится к позднейшим памфлетным описаниям национальных фобий как болезней особого рода. Чаще всего они изображались в виде перемежающейся лихорадки, которой сопутствуют галлюцинации (примеры приведены в разделе II. 1).

Встречалось также сближение национальных фобий с бешенством (‘гидрофобией’). По мнению либерального английского публициста 1880-х годов, «буйная ненависть Англии к революционной Франции и страх перед ней» все еще отзываются в трудах консервативных историков. «Удивительно, до чего стоек английский душевный недуг, именуемый галлофобией! Подобно бешенству

(hydrophobia), он вспыхивает годы спустя после нанесения ран, его вызвавших, и, подобно бешенству, проявляется в самых крайних формах» [O'Brien, 1886, p. 946].

Вот еще один пример, в котором 'русофобия' иронически сближается, так сказать, с 'русобесием': «Эту эпидемию (сезонного гриппа. – К. Д.) обычно называют русским гриппом, но со времен лорда Солсбери некоторые предлагали дать ей более подходящее название – русофобия. <...> В деревне мы гораздо больше говорим о гидрофобии (hydrophobie), чем о русофобии, а все из-за нового закона, предписывающего, во избежание заражения бешенством, надевать намордники на всех собак, передвигающихся по дорогам общего пользования» [Chronique..., 1890, p. 402].

Француз Макс О'Релл¹ замечает: «Недуг, которым страдает Ашмид-Бартлетт², гораздо хуже, чем галлофобия или русофобия, – это умоиступление (hydrophobie morale)» [O'Rell, 1885, p. 142]. Hydrophobie morale (букв. моральное бешенство) – состояние бешенства, не вызванное соматическими причинами, нечто вроде тяжелого психоза в современной терминологии.

2. Репертуар обозначений национально-государственных фобий

С середины XIX в. слова типа 'наименование народа / страны' + 'фобия' применялись ко всем важнейшим европейским державам. Обычно они встречались во внешнеполитическом контексте, существенно реже – применительно к обычаям, культуре, населению данной страны. Пару им составляли антонимы с морфемой 'филия': 'англофилия', 'франкофилия', 'русофилия', которые также употреблялись прежде всего для обозначения внешнеполитической ориентации.

Нередки были также антонимы с морфемой 'мания'. В медицинском трактате 1853 г. 'мания' определяется как «сочетание полного расстройств интеллектуальных способностей со страстным возбуждением по поводу всего, что хоть как-то затрагивает

¹ Макс О'Релл (Леон Поль Блуэ, 1847–1903), высмеивал национальную мегаломанию и ксенофобию. Цитируемая здесь книга «Дорогие соседи» из серии очерковых книг об Англии имела огромный успех во Франции, Англии и США.

² Эллис Ашмид-Бартлетт (1849–1902), британский политик-консерватор, сторонник сближения с Германией.

чувства» [Carpenter, 1853, p. 806]. Слова типа ‘англомания’, ‘франкомания’, ‘германомания’ и т.д. встречались во внешнеполитическом контексте, но чаще означали увлечение культурой данной страны. Слово ‘русомания’ использовалось в этом значении в США с конца XIX в. Характерно, что ‘австрофобия’ и ‘австрофилия’ были обычными терминами немецкого, английского, французского политического языка, тогда как слово ‘австромания’ практически не встречалось: Австрия воспринималась как государство, но не как нация со своей особой культурой. То же относится к слову ‘пруссофобия’ (*нем.* die Borussiafobie).

В обширной газетной базе англоязычной печати newspapers.com упоминания об ‘англофобии’ становятся регулярными с 1840-х годов, чаще всего применительно к Франции. Всего за XIX в. таких упоминаний насчитывается в базе ок. 4 тыс. против 690 упоминаний о ‘руссофобии’, нескольких сотен – о ‘галлофобии’ и ‘франкофобии’ и нескольких десятков – о ‘германофобии’.

Понятие ‘руссофобия’ ввели английские радикалы во 2-й половине 1830-х годов в полемических целях как обозначение фантомного либо преувеличенного страха перед угрозой со стороны России (что в точности соответствовало приведенному выше определению ‘фобии’ у Б. Раша: «страх перед воображаемым злом или чрезмерный страх перед реальным злом», хотя, как уже говорилось, эссе Раша не получило широкой известности). Слово ‘tussophobia’ в английской печати того времени чаще всего следует понимать как ‘Россия-боязнь’. Виднейшие представители антироссийского алармизма, равно как и критики ‘руссофобии’, принадлежали к различным течениям британского либерализма. Спор между ними шел о реальности русской угрозы британским интересам. Критика ‘руссофобии’ вполне могла сочетаться с негативным образом Российской империи; в свою очередь антироссийский алармизм не обязательно предполагал неприязнь к России и русским. Во время Восточного кризиса 1876–1878 гг. и позже ‘руссофобами’ именовались по преимуществу тори, а в качестве критиков ‘руссофобии’ выступала наиболее влиятельная часть либералов во главе с У. Гладстоном. В американской печати о ‘руссофобии’ говорилось сравнительно редко и почти всегда по поводу английской политики.

В австрийской печати о ‘руссофобии’ нередко говорилось в связи с настроениями в Венгрии. В 1843 г. Ян Чаплович¹, осуждая политику мадьяризации национальных меньшинств, замечает: «Никогда еще Венгрия не была такой слабой, такой разделенной внутренне, как ныне, с тех пор как ее преследует эта злосчастная *навязчивая идея*, приправленная *руссофобией*» [Csaplovics, 1843, S. 23].

Два ранних известных нам французских упоминания о ‘руссофобии’ появились в легитимистских газетах «La France» и «La Quotidienne»:

«Корреспонденция из Константинополя, помещенная в “Morning Chronicle”, может дать ключ к всплеску руссофобии по ту сторону Ла Манша. <...> Англия вернулась к своему вечному кошмару *владения Индией*; а известно, что она начинает терять рассудок всякий раз, когда задет этот чувствительный пункт» [Une correspondance..., 1837].

«На франкфуртского корреспондента “Morning Chronicle” возложена миссия снабжать свою газету статьями, озаглавленными “Русская наглость”, “Русская жестокость”, “Русское варварство”, которые пользуются немалым успехом в тавернах Сити и на радикальных скамьях Палаты общин. <...> ...Необходимо было найти способ удовлетворить руссофобию англикан, и корреспонденция из Франкфурта в “Morning Chronicle”, несомненно, была написана для того, чтобы дать материал для новых декламаций северного колосса» [Extérieur, 1838, p. 2]².

В дальнейшем тема ‘руссофобии’ во французской печати также чаще всего возникала в связи с Англией и английской печатью.

В итальянской и испанской печати о ‘руссофобии’, сколько можно судить по доступным нам электронным базам, упоминалось редко и почти всегда применительно к внешней политике великих держав. То же относится к польской печати, несмотря на преимущественно негативный образ России в польской культуре XIX в.

¹ Я. Чаплович (1780–1847), австрийский юрист и славист родом из Словакии.

² В «Morning Chronicle», согласно поисковой базе newspapers.com, не было статей под такими заглавиями, хотя корреспонденция из Франкфурта от 3 августа 1832 г. начиналась словами: «Германия каждый день делает шаг навстречу русскому варварству и австрийскому мракобесию» [Frankfurt..., 1832].

С середины 1880-х годов ‘русофоб’ – обычное в европейской печати наименование болгарских противников пророссийской ориентации, прежде всего Стефана Стамбулова (Стамболова) (1854–1895). Все они формировались под сильнейшим влиянием русской культуры. Захарий Стоянов¹ писал: «Я никогда не был и не буду русофобом. <...> Я тиранофоб» (открытое письмо Г. Кырджиеву, редактору газеты «Напред»; опубл. в газете «Независимость» от 2 апреля 1886 г.) [Стоянов, 1965, с. 314]. Газета «Социалист» от 22 июля 1895 г. открывалась передовицей с эпатирующим заглавием «Почему мы русофобы?». Термин ‘русофоб’, говорилось здесь, относится «не к русским <...> демократам, к русскому народу», а к «официальной, деспотической России», которая «служит резервом европейской реакции» [Хаджиниколов, 1968, с. 72]. Автор передовицы, Христиан Раковский², в данном случае излагал общую точку зрения европейской социал-демократии.

В русских словарях 2-й половины XIX в. политические термины с морфемой ‘фобия’ толковались обычно как страх перед данной страной, например в словаре А.Д. Михельсона (1883): ‘германофобия’ – «чрезмерный страх перед германским могуществом»; ‘германофоб’ – «чрезмерно опасющийся могущества Германии» [Михельсон, 1883, с. 176]. Правда, ‘англофобия’ в том же словаре толкуется как «ненависть к англичанам», но это толкование (заимствованное, возможно, из цитировавшегося выше словаря 1839 г.) расходилось с обычным словоупотреблением.

В «Историческом словаре галлицизмов русского языка» Н.И. Епишкина (2010) ‘англофобия’ определяется как «Отвращение, нелюбовь к английскому образу жизни», с единственной иллюстрацией из дневника П.А. Валуева, председателя Комитета министров. Однако у Валуева речь идет не об «английском образе жизни», а о внешнеполитических симпатиях и антипатиях: на обеде у Александра II «Горлов <...> лучше всего послеобеденного синклита оценивает английские и американские дела. В нем нет ни нашего американофильского пошиба, ни столько же глупого пошиба англофобии» (запись от 3 января 1880 г.) [Валуев, 1907, с. 235]. В XIX в. Россию и

¹ З. Стоянов (1850–1889), революционер, в независимой Болгарии один из лидеров народно-либеральной партии. В газете «Независимость» выступал с резкой критикой России как помехи объединению Болгарии.

² Х. Раковский (1873–1941), в 1919–1923 гг. председатель правительства УССР. Авторство этой неподписанной статьи указано нам Марией Раевской.

США на государственном уровне связывала неизменная дружба, а отношения с Англией, напротив, были бóльшей частью конфликтными.

Характерно, что, несмотря на отчетливо негативный образ Османской империи, слова ‘туркофоб’, ‘туркофобия’ в европейской печати встречались сравнительно редко. Чаще встречались антонимы этих понятий – ‘туркофил’ и ‘туркофилия’, обычно в полемическом контексте. При этом ‘туркофилия’ нередко упоминалась в связи с ‘русофобией’, например: «...В конце 1876 года здоровая и оправданная русофобия германо-австрийцев (т.е. опасение перед русской угрозой. – *К. Д.*) переросла у мадьяр в гротескное туркообожание (*türkenbegeisterung*)» [Rogge, 1879, S. 231].

Со времени Восточного кризиса 1870-х годов в Англии в качестве метонимического обозначения Османской империи нередко использовалось выражение «ужасный турок» (*the unspeakable Turk*). Оно появилось в открытом письме Томаса Карлейля, опубликованном в «Таймс» и ряде других газет 28 ноября 1876 г.

Самый широкий репертуар наименований национальных фобий существовал в немецком языке, причем основная их часть появилась в период 1834–1849 гг. С конца XVIII в. встречалось слово *franzosenhaß* – ‘ненависть к французам’, ‘французоненавистничество’. В 1794 г. анонимный рецензент «Новой всеобщей немецкой библиотеки» осуждал «превратную мудрость лжепатриотов, весь патриотизм которых заключается в ненависти к туркам и французам (*Türken und Franzosenhaß*)» [Revolutionsalmanach..., 1794, S. 298]. Слово *franzosenhaß* в одобрительном смысле, как законная ненависть к Франции / французам, использовалось в антинаполеоновской публицистике 1813–1815 гг.

Тогда же, со времени наполеоновских войн, в Германии стало обычным наименование Франции «наследственным врагом» (*Erbfeind*). В Средние века так именовали дьявола. Австрийский эрцгерцог Максимилиан I, став в 1493 г. императором Священной Римской империи, призвал немецких государей к борьбе против «наследственного врага, который стоит за Рейном», т.е. против Франции. Однако в ту эпоху и вплоть до последних десятилетий XVIII в. «наследственным врагом» именовалась обычно Осман-

ская империя как наиболее опасный противник христианства [Geflügelte..., 2001, S. 84].

В Германии XIX в. наравне со словами, содержащими морфемы ‘фоб’ или ‘фобия’, использовались слова, содержавшие морфемы ‘fresser’ и ‘fresserei’ (‘ед’, ‘едство’)¹. Первым таким словом было *Türkenfresser* – ‘туркоед’ (1825), по образцу *неолат. turcophagus*. Слово *turcophagus* использовалось с XVII в. в значении ‘борец против турок’, ‘истребитель турок’ [Норре, 2018, S. 48, 150]. В XIX в. прозвище ‘туркоед’ получил Н. Стамателопулос (1782–1849), герой греческой революции 1821–1829 гг.

Слово ‘французоед’ (*Franzosenfresser*) появилось в печати в 1834 г. в сборнике писем прусского дипломата А. Варнхагена фон Энзе: «Ты знаешь, я <...> не французоед». Это письмо датировано 4 ноября 1817 г., однако автор, возможно, отредактировал его задним числом [Норре, 2018, S. 49].

В 1837 г. публицист-демократ Людвиг Бёрне опубликовал памфлет «Менцель-французоед» («*Menzel, der Franzosenfresser*», во французском переводе: «*Menzel le gallophage*»). Имелся в виду Вольфганг Менцель (1798–1873), писатель и критик, обличавший пагубное влияние французских революционных идей на «германский дух».

Для Бёрне моделью, как можно полагать, служило скорее слово *menschenfresser* (людоед), чем *Türkenfresser*. Сближение ‘французоеда’ с людоедом встречалось в позднейшей публицистике и карикатуре, например: «Старого Эрнста Морица Арндта² осмеивали как французоеда: из миски, полной французов в красных мундирах, он достает одного вилкой и говорит: “Ах, до чего же хорош француз на вкус!”» [Wichmann, 1888, S. 538] (рис. 1).

В памфлете «Менцель-французоед» появилось также слово ‘французоедство’ (*Franzosenfresserei*). Именно благодаря Бёрне оба слова вошли в политический язык. По тому же образцу были образованы слова ‘полякоед’ (*polenfresser*, 1837), ‘русоед’ (*Russenfresser*, 1842), ‘немцеед’ (*Deutschenfresser*, 1842) и т.д. [Норре, 2018, S. 47]. Гораздо реже встречались синонимы с морфемой ‘phage’, такие как ‘англофаг’ (*Anglophage*, 1837) и ‘германофаг’ (*Germanophage*).

¹ Во французском языке им соответствовали морфемы ‘phage’ и ‘phagie’ (‘фаг’, ‘фагия’), от *греч. phagos* – пожиратель [Норре, 2018, S. 14].

² Эрнст Мориц Арндт (1769–1860), поэт и прозаик, в 1805–1813 гг. автор антифранцузских стихов и памфлетов, националист и ксенофоб, в 1848 г. – депутат Франкфуртского национального собрания.

Рис. 1. «Французоед», немецкая карикатура на Э.М. Арндта (1848)

В качестве синонимов ‘русофобии’ (Russophobie, 1836) использовались: russen-scheu (русобоязнь) (1831), Russenhaß (ненависть к русским) (1831), russenfurcht (страх перед русскими) (1839), Russenfeindschaft (враждебность к русским) (1844), Russophagie (русософагия) (1844), russenfresserei (русоедство) (1845). Последний аналог был наиболее употребительным, остальные встречались редко, преимущественно в 1830–1840-е годы, причем два первых – обычно в связи с польским вопросом.

В базе немецкоязычной печати digitale-sammlungen.de за период 1837–1900 гг. слово ‘французоедство’ встречается 431 раз, ‘русоедство’ – 319 раз. Слово ‘русоедство’, как и ‘русофобия’, чаще всего использовалось во внешнеполитическом контексте, по отношению к русскому государству. ‘Полякоедство’ (Polenfresserei, с 1848 г.) означало враждебность к полякам как нации, в то время безгосударственной.

‘Французоедство’ означало прежде всего враждебность к французской культуре и «французским идеям» (в духе памфлета

Л. Бёрне), и лишь во вторую очередь – антифранцузскую внешне-политическую ориентацию. В 1841 г. Ф. Энгельс, осуждая «вновь ожившее неистовое француоедство (Franzosenfressenden Wut)», замечает: «Французоненавистничество (Franzosenhaß) стало обязанностью, всякое возрание, сумевшее стать выше этого, клеймилось как иноземщина (Undeutschheit). Таким образом, и патриотизм стал по существу чем-то отрицательным <...>, изоцряясь <...> в изобретении исконно немецких высокопарных выражений взамен давно укоренившихся в немецком языке иностранных слов» [Энгельс, 1970, с. 129, 121].

В том же значении это слово использовалось в русской печати, например у Чернышевского: «Строгие приверженцы немецкой философии со времен Канта, особенно строгие гегелианцы, презирали и отчасти даже ненавидели все французское. Друзья Станкевича разделяли это отвращение, и “Московский наблюдатель” весь проникнут “француоедством” (Franzosenfresserei), как выражались немцы» («Очерки гоголевского периода русской литературы», VI) (1856) [Чернышевский, 1947, с. 211].

В немецкой печати обозначения ‘германоед’ (Germanenfresser), ‘германофоб’ (Germanophobe), ‘германоненавистник’ (Deutschenhasser) чаще всего относились к французам, реже – к полякам, а также к русским публицистам, прежде всего из круга М. Каткова.

3. ‘Юдофобия’ и ‘антисемитизм’

‘Юдофобия’ и в еще бóльшей степени – ‘антисемитизм’ стояли особняком среди обозначений национальных фобий. Термины, рассмотренные нами выше, относились прежде всего к государствам, а также к народам, обладавшим собственной государственностью. Евреи же не только не обладали собственной государственностью, но и не считались нацией, а лишь религиозно-этнической группой.

Слова, обозначающие враждебность к евреям, раньше всего появились в немецком языке. В посвященной евреям монографии гамбургского юриста Иоганна Людольфа Хольста (1821) мы находим слова ‘Judenhaß’ (‘ненависть к евреям’, ‘иудеоненавистничество’), ‘Judenverachtung’ (‘презрение к евреям’), ‘Judenfeindschaft’ (‘враждебность к евреям’) [Holst, 1821, S. 87].